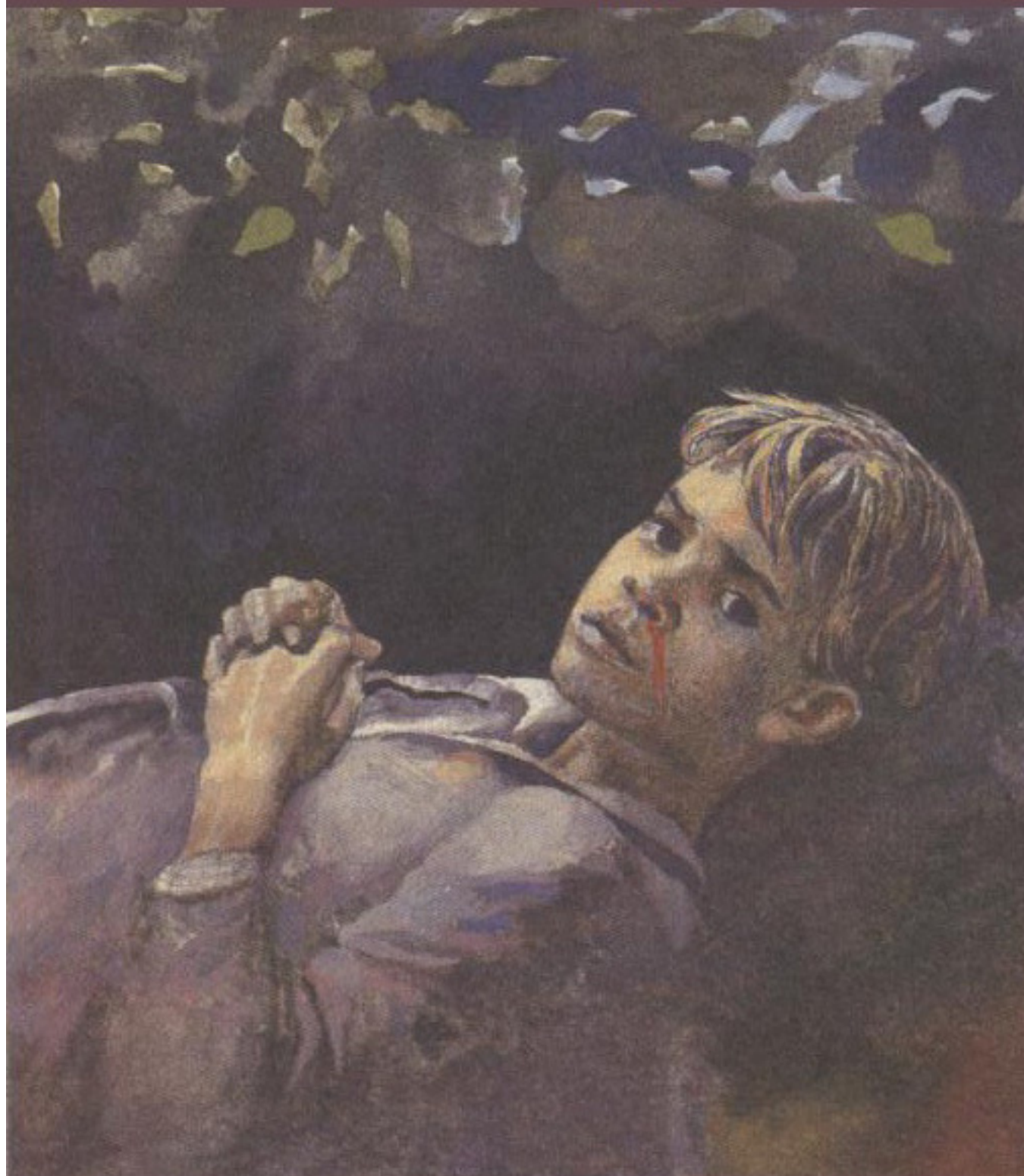

Екатерина Мурашова

ИЗЮМКА

Екатерина Мурашова

Изюмка

«Автор»

Мурашова Е. В.

Изюмка / Е. В. Мурашова — «Автор»,

«Створка ворот пронзительно скрипнула, словно обидевшись на что-то, но осталась неподвижной. Изюмка вздрогнул, оглянулся по сторонам, а потом снова всем телом налег на нее. Створка чуть подалась назад, и в образовавшейся щели тусклой синевой блеснул бок огромного висячего замка. Изюмка вздохнул и опустился на четвереньки...»

© Мурашова Е. В.

© Автор

Екатерина Мурашова

Изюмка

Створка ворот пронзительно скрипнула, словно обидевшись на что-то, но осталась неподвижной. Изюмка вздрогнул, оглянулся по сторонам, а потом снова всем телом налег на нее. Створка чуть подалась назад, и в образовавшейся щели тусклой синевой блеснул бок огромного висячего замка. Изюмка вздохнул и опустил на четвереньки.

Щель под воротами казалась невеликой даже для кошки, но мальчик, елозя по земле всем телом, упорно втирался в нее. Самым сложным оказалось протащить голову. Оцарапав нос и отяжелив затылок подворотней глиной, Изюмка справился с этим и почувствовал, что все остальное идет гораздо легче. Через несколько секунд он был уже на ногах и отряхивался, вздрагивая всем телом, как делают вышедшие из воды звери.

Луна, похожая на желтоватое лицо буфетчицы из вечерней забегаловки, освещала окрестности резким, безжалостным к полутонам светом. Изюмка прислушался к странным, ни на что не похожим голосам, раздававшимся невдалеке, оглянулся на запертые ворота и зашагал вперед по разбитой колесами грузовиков дороге.

Спустя пять минут перед ним встал новый забор, высокий, но сколоченный на живую руку, подпертый пересекающимися друг друга, не струганными досками. Почти не останавливаясь, Изюмка вскарабкался на забор, перекинул через него свое тело и, на мгновение повиснув на руках, мягко спрыгнул на теплую, приятно спружинившую под его весом кучу опилок.

И сразу же услышал тихое, полное бездушной угрозы ворчание. Шагах в пяти от него, вздыбив загривок и жарко оскалившись хищной пастью, стоял огромный сторожевой пес-овчар. Глаза его в лунном свете поблескивали желто и безжалостно, а великолепные клыки отливали синевой.

Изюмка подумал о том, что сейчас овчар непременно растерзает его, но почему-то это предположение не испугало его.

– Жалко, конечно, будет, но не очень, – такими приблизительно словами можно было бы перевести его мысль.

Но Изюмка почти не умел думать словами. Он чувствовал напряжение, восторг и тревогу одновременно. И овчар вовсе не был лишним или случайным в этих ощущениях. Наоборот, он был необходим и закономерен. Изюмка был там, где хотел и делал то, что хотел. И чем бы это не кончилось, этот конец будет единственно правильным – так Изюмка ощущал ситуацию.

Стоя лицом к лицу с обозленным его вторжением овчаром, Изюмка вспомнил, как во вторник они с классом ходили на экскурсию в зоопарк. Толпа куда-то идущих и о чем-то разговаривающих людей, как всегда, поначалу подавила Изюмку, лишила его возможности самостоятельно мыслить и действовать. Он шел куда-то вместе со всеми, ждал, поворачивался, и лишь однажды окатило его жаркой волной стыда. Это случилось, когда учительница собирала деньги и сказала, что за Изюмку заплатит сама. В этот момент Изюмке страшно захотелось повернуться и убежать, затеряться в толпе, и одновременно он пожалел, что не стащил рубль, который вчера весь вечер торчал из Варькиной сумочки.

Потом смятение прошло, толпа понемногу рассеялась, Изюмка начал осознавать окружающее – и увидел зверей.

До этого дня он никогда не был в Зоопарке, и сначала его поразило то, что они сидят за такими огромными и черными решетками. Потом он разглядел звериные и птичьи глаза – бесконечно разные и в то же время схожие в чем-то главном, и лишь потом все остальное.

У клетки с волком одноклассники Изюмки толпились дольше всего.

Серый разбойник, герой бесчисленных сказок и историй пушистым клубком свернулся в углу и абсолютно не желал вставать. Маша Кораблева бросила ему в клетку карамельку, Игорь

Морозов – подобранный где-то камень, ничего не помогало. Изюмка протиснулся к самой решетке и вдруг понял, что волк чувствует его. И он чувствовал волка.

– Встань, пожалуйста, – без голоса попросил он. И волк встал, качнулся с задних лап на передние, потянулся и, не мигая, уставился на Изюмку спокойными желтыми с прозеленью глазами.

– Иди сюда, – попросил Изюмка и сам сделал шаг вперед.

– Смотри, смотри, он его слушается... – шептались за спиной одноклассники.

Изюмка не слышал их. Он смотрел в волчьи глаза и тонул в них. У него заболела голова от обилия того, что он узнал и прочел в их влажной глубине.

– Скорее, дети, скорее, ну что вы прилипли к одной клетке, – торопила учительница, подталкивая в спину самых нерадивых. – Пойдемте, мы еще моржа не видели.

Изюмка уходил, не оборачиваясь, вытянувшись в струну, словно связанный каким-то заклятием. Он знал, что волк смотрит ему вслед, и знал, что должен еще раз придти сюда. Но придти, когда не будет этой гудящей и жующей толпы, в которой Изюмкина голова пустеет и мысли путаются, как нитки из заигранного кошкой клубка.

И вот он пришел. Может быть, как раз этот самый овчар и был уготован ему? И именно это он прочел в волчьих глазах? Изюмка не знает ничего, но твердо верит в то, что все будет так, как должно быть. Только то, что заставляют, может быть неправильным. Недавно Изюмка прочел сказку о Золотом Ключике и возненавидел Мальвину за то, что она заставляла Буратино умываться.

Овчар ворчит все громче, с клыков капает розовая слюна. Ему надоела неопределенность. Изюмке тоже.

– Уйди! – громко говорит он овчару. И про себя тоже повторяет: «Уйди!».

У овчара вдоль по хребту встает черный острый гребень – ему не хочется подчиняться. Он хочет загрызть Изюмку, разорвать его на мелкие клочки.

– Пошел вон! – говорит Изюмка.

Он уже знает, что овчар уйдет, и страх окончательно покинул его. Теперь боится овчар. Он не понимает власти над собой этого хилого человечка, которого он мог бы загрызть одним ударом мощных челюстей. Для взрослого зверя все непонятное – страшно. Овчар глухо ворчит и пятится назад. Изюмка тоже уходит, не оборачиваясь.

Часы на Петропавловке звонят три часа. Изюмка идет по ночному зоопарку. Ему очень хорошо, хотя он и не сумел бы сказать об этом словами. Из синей лужи холодным белым лучом встает отражение фонаря. Рядом с лучом плавает желтый кленовый лист. Изюмка трогает пальцем луч, потом вынимает лист из лужи и греет его в ладонях. Внезапно над зоопарком проносится жуткий тоскливый крик. В нем зов чего-то недоступного пониманию Изюмки, неизмеримого и несравнимого ни с чем. Оно манит и заставляет его дрожать крупной дрожью.

– Это обезьяны – гиббоны, – вспоминает Изюмка клетку с забавными чернолицыми старичками. – Они и днем кричали. Но днем почему-то смешно, а ночью страшно... Хотя нет, не страшно, тягуче как-то. Непонятно.

Изюмка идет по аллеям зоопарка и видит устремленные на него звериные глаза. Круглые и узкие, коричневые и голубые, злые и добрые. Больше всего равнодушных.

– Как и у людей, – думает Изюмка, но тут же оправдывает зверей. – Но они все в клетках и так далеко от их настоящего дома.

Фонарь запутался в листьях клена и золотисто-изумрудным цветом подсвечивает его изнутри. Медленно кружась и переливаясь в его лучах, падают на асфальт осенние листья. С минуту, словно замороженный, смотрит Изюмка на это чудо, потом идет дальше.

Вот и клетка волка. Синий фонарь освещает площадку между двумя решетками. В самой клетке – густая, непроглядная темь.

– Волк, ты где? – зовет Изюмка, вглядываясь в темноту. – Я здесь, я пришел.

Прямо у решетки возникают два зеленых глаза, бесшумно обозначается большая черная тень. Зверь словно проявляется по мановению волшебной палочки. Изюмка перелезает через загородку, подходит к клетке и протягивает руки сквозь решетку. Руки у Изюмки тонкие и свободно проходят между прутьями. Ладони гладят жесткую шерсть, ощущают тепло сильного тела, перекатывающиеся под кожей мышцы. В ноздри ударяет резкий звериный запах.

– Не бойся! – говорит Изюмка напружинившемуся волку. Ему и в голову не приходит, что бояться может он сам, что безудержно не равны силы худенького десятилетнего мальчика и матерого зверя с трехсантиметровыми клыками. Изюмка видит все иначе. Он свободен и он пришел к волку, запертому в клетку. Он может выпустить на свободу и волка, но куда тот пойдет? Ведь лес далеко, а в городе столько машин и других опасностей... Значит, Изюмка сильнее и он должен утешить волка, в крайнем случае, погрустить, вместе с ним.

Вечерний зоотехник Александр Семенович, по прозвищу Саня-Рыжий стоит у выхода из зоопарка. В конце аллеи, у клетки волка он видит мальчика. Мальчик кажется ему полупрозрачным продолжением лунных лучей. Желтые листья осыпают голубые волосы мальчика и ложатся у его ног. Колышутся деревья, колышутся тени на аллеях, колышутся мысли в голове у зоотехника...

Привидится же такое! – членораздельно думает он и возвращается в комнату, где дежурный милиционер Гена пьет чай из стакана в кружевном металлическом подстаканнике, который он держит четырьмя пальцами, отставив мизинец.

– Слышь, чего примерещилось-то, – говорит Саня-Рыжий и откусывает половину бутерброда с сыром. – Будто из луча мальчик вылез и Белому Клыку загривок чешет...

– Из какого луча? – настораживается Гена.

– Ну, из лунного, ясно, из какого ж еще?

– Пить надо меньше, – брезгливо цедит милиционер и тянется к чайнику, чтобы снова наполнить опустевший стакан.

– Ясно, надо, – соглашается Саня-Рыжий и кивает головой. Голова не останавливается и некоторое время мотается вверх-вниз. Сам Саня этого, кажется, не замечает.

Изюмка попрощался с волком и снова идет по зоопарку... Глаза у него закрываются сами собой, вокруг фонарей расплываются радужные круги с острыми белыми лучами, ноги становятся ватными, как у игрушечной обезьяны Жакони – Изюмка хочет спать.

Можно конечно свернуться клубочком на ближайшей скамейке или зарыться в опавшие листья. Он уже зарывался в них в парке и знает, что внутри кучи всегда тепло. Но если он заснет, а утром кто-нибудь пойдет и увидит его... Плохо получится. Почему плохо, Изюмка не сумел бы объяснить, но воображаемая им ситуация: он, Изюмка, спит в куче листьев, а над ним стоит человек с неопределенным лицом, – казалась ему ненужной, неудобной.

Спать хотелось все сильнее, начала болеть голова и в этой боли увязали мысли, делались тусклыми и мягкими, как серая вата, которой затыкают от мороза оконные щели. Изюмка почувствовал, что сейчас упадет прямо на дорожке и заторопился.

Длинное приземистое здание тяжело привалилось боком к кирпичному забору. Его невидимые в темноте жилы тяжело вздыхали и сочно хрумкали чем-то сильно и вкусно пахнущим.

– Днем здесь были эти... бизоны... – с трудом вспомнил Изюмка, подошел к стене и взглянул вверх. Высоко, почти под самой крышей чернело длинное окошко, забранное редкой решеткой.

Пролезу, – решил Изюмка и, быстро перебирая руками, вскарабкался вверх по боку крайней клетки. Секунду поколебался, потом оттолкнулся руками и ногами, прыгнул и на лету вцепился в холодные влажные прутья. Подтянулся, сунул голову. Засмеялся с облегчением.

– Башка пролезла, значит, все пройдет, – сказал вслух и боком, отталкиваясь саднившими ладонями, протиснулся внутрь. Кругом была темнота и звуки. Внизу тоже. – А чего бояться-то? – сам себе сказал Изюмка и, закрыв глаза, прыгнул вниз.

Внизу было сено. Изюмка вытянулся на нем, ошутил его всем телом, вдохнул раздувшимися ноздрями, чихнул и, хотя закрывшиеся глаза уже не открывались, несколько раз взбрыкнул руками и ногами, зарылся, подпрыгнул и упал в темноту сна, блаженно улыбаясь.

Серый пришел на работу, когда не было еще и семи. С собой он часов не носил, но по тому, как удивленно глянула на него заспанная вахтерша, выдавая ключи от сектора, понял, что поспешил. Но не огорчился. Тяжелая хмарь, которая тянулась со вчерашнего вечера и которую никак нельзя было назвать сном, кончилась, и впереди был новый день, который, кто знает, вдруг да и принесет что-нибудь хорошее.

Переодевшись, он первым делом прочистил автопоилку у Борьки, который еще с вечера забивал ее сеном и до утра маялся от жажды, печально фыркая и перекатывая в челюстях вялую белесую свеклу. Потом проведаль малыша-зубренка, у которого еще не было официального имени. Серый звал его Мишкой, – потому что он был бурый, косматый и неуклюжий. Мишка спал в углу на соломе, а зубриха Зоя стояла над ним и бешено косила выпуклым налитым кровью глазом.

– Давайте, давайте, пошли! – громко сказал Серый и грудью налег на ручку шибера. Дверца перегонки медленно поехала вправо. Мишка вскочил на ноги и весело закрутил поросычьим несолидным хвостиком. Задевая стены могучими плечами, Зоя медленно вплыла в перегонку. Мишка хулиганил – высоко подбрасывая зад, кругами бегал по клетке.

– Ну, пошел, пошел! – добродушно повторил Серый, прихлопывая рукавицами. – Ишь, расскакался!

До открытия зоопарка оставалось еще почти три часа, и Серый не торопился, с удовольствием наблюдал за игрой резвого звереныша. На бесцветном лице плавала неопределенная и почти бессмысленная улыбка. Тонкие серые губы изгибались отдельно друг от друга, приоткрывая время от времени темную щель, в которой не виднелись зубы. Серый улыбался, разжимая челюсти, и черный змеящийся провал в сочетании с бледно-голубыми, ничего не выражающими глазами придавал его улыбающемуся лицу жутковатое и неприятное выражение.

Наконец утомившийся Мишка влетел под брюхо громко фыркнувшей Зои. Серый задвинул шибер и принялся за уборку. Стреб лопатой навоз, вывез на тачке, ковырнул сапогом подстилку.

– Вот ведь, ироды, – пробормотал он себе под нос. – Третьего дня только все менял, а уже будто и с гнилью, – вздохнул и насадил на вилы влажное, преловатое сено...

По пути с навозного дворика, куда вываливали груженные тачки сразу три сектора, заглянул в кладовую, где хранилось сено.

– Зараз возьму кипу, – вслух сказал Серый. – Что останется, Борьке пойдет. – он шагнул в ароматную полутьму, примерился к откатившемуся брикету... и замер.

Поверх штабеля, на рассыпавшемся сене спал мальчик лет десяти.

– От это да! – негромко сказал Серый и подошел поближе, чтобы разглядеть незваного гостя.

Мальчик лежал, раскинув руки, и тихо сопел.

Серый смотрелся в лицо спящего и вздохнул. Мальчик был некрасив. Белесые негустые волосы, низкий лоб, сплюснутая переносица, толстые, словно налитые изнутри губы. Нижняя губа посредине треснула, покрылась желтоватой корочкой.

Серый жалел всех некрасивых людей, потому что сам был некрасив. Сейчас он пожалел спящего мальчика, еще ничего не зная о нем. Поначалу он не задумался над тем, как попал

сюда мальчик и почему он ночует здесь. То есть у него не было отчетливых, оформленных в слова мыслей об этом. Но пожалел он его сразу за все.

В это время мальчик потянулся, еще шире раскинул руки и вдруг улыбнулся чему-то во сне. Трещинка на нижней губе разошлась и из-под корочки выступила круглая капелька крови, яркая даже в полутьме подсобки. В груди у Серого что-то больно стонуло с места, он повернулся и выскочил в длинный, по-утреннему холодный коридор. Потом опомнился, удивился, шепотом выругал себя и вернулся назад.

Он тронул мальчика за рукав, отступил назад, чтобы не испугать и спросил негромко: «Ты чего это здесь, а?»

Мальчик открыл глаза и сразу же сел, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. И стал совсем маленьким, словно сложился. Серому вдруг захотелось взять его на руки, но он отчего-то испугался этого желания и быстро повторил, уже ворчливо и недовольно:

– Чего это ты тут?

– Я тут спал, – сказал мальчик и искоса посмотрел на Серого. Глаза у мальчика были маленькие, острые и темные, как бусинки.

– А чего это ты здесь спал? Разве можно? Здесь, того, не положено, – пробормотал Серый, сам не веря в убедительность своих слов.

Он чувствовал, что у мальчика надо спросить что-то другое, но никак не мог сообразить, что именно.

– Я не знал, что нельзя, – схитрил мальчик и нос его хитро сморщился, а глаза хитро заблестели. – Но я сейчас пойду и никто не узнает... А вы кто?

– Я – Серый. Работаю здесь.

– Ха! – усмехнулся мальчик, перекатился на четвереньки и внимательно, с головы до ног, оглядел Серого. – Какой же вы серый? Вы больше рыжий! Или это фамилия такая?

– Нет, не фамилия, – Серый пожал неширокими плечами. – Прозвище, может быть. Все так зовут, я уж привык.

– А, тогда ясно, – обрадовался мальчик и объяснил. – Меня тоже по прозвищу зовут – Изюмка!

– Ишь как! – улыбнулся Серый и даже не стал спрашивать, откуда взялось прозвище: глаза-изюминки говорили сами за себя.

– Да! Чего ж это ты ночью в зоопарке делал? – наконец вспомнил он.

– Я к Волку в гости приходил, – объяснил Изюмка. – А потом устал и заснул.

– К волку? – Серый задумался. – К Белому Клыку, что ль?

– Наверное. Он не сказал, как его зовут. Я зову – Волк.

– Вона как. А если бы он тебя цапнул? Зубищи-то у Клыка видал какие?

– Видал, – Изюмка тряхнул волосами, в которых застряли сухие травинки. – А только чего ему меня кусать?

– Ну-у... зверь, известно, разве разберешь, чего ему в башку придет...

– А человеку – разберешь? – вдруг спросил Изюмка. Серый смутился, переступил с ноги на ногу.

– Эка ты сказал... – медленно протянул он, но Изюмка, кажется, и не ждал ответа.

Скатившись с сена, он встал рядом с Серым и осторожно потрогал черенок огромной лопаты, прислоненной к стене.

– Я сейчас пойду, – сказ-ал он. – А потом еще приду, можно?

– Ну, а чего же...

– Так приду, – утвердил Изюмка и вскинул на Серого остренькие глазки. – Вас как спросить? Дядя Серый – можно?

– Ну чего же нельзя? Можно и так... – Серый говорил медленно, стараясь осмыслить мальчика целиком и задать ему наконец тот вопрос, который он будто бы уже знал, но вот забыл в самый последний момент...

– До свидания, дядь Серый! – Изюмка мелькнул в проеме, пробежал по гулкому коридору, потом в конце тяжело бухнула обитая жестью дверь... Серый потер лоб и подхватил с пола откатившуюся кипу сена.

Входя во двор, Изюмка кинул быстрый взгляд на три крайних окна на втором этаже и вздохнул с облегчением: света нет. Отопнул дверь, просунул голову и сразу скосил глаза налево, к вешалке. Материного зеленого пальто на месте не было. Варька, ясное дело, дрыхнет еще.

Изюмка скинул ботинки, босиком прошлепал по коридору, осторожно потянул на себя комнатную дверь. В тот же миг Варька подняла с подушки лохматую голову и сказала злым и совсем несонным голосом:

– Где тебя черти носят? Мать обещала башку оторвать, как придет... Какого дьявола...

– А мама когда ушла? – перебил Варьку Изюмка. – Сейчас или с вечера?

– Сегодня уже, с ранья, – остывая, буркнула Варька и снова откинулась на подушку. – С утра гремели там чем-то на кухне... С Шуркой ейным... Спать мешали... Сказала: на работу пошла, а... Эх! – Варька вздохнула и потянулась всем телом, сильно изгибая спину и запрокинув назад голову.

– А поесть есть чего? – спросил Изюмка, вдруг ощутивший себя страшно голодным.

Может, и оставили что, – Варька пожала плечами. – Посмотри на кухне. Найдешь чего – поешь. Мне можешь не оставлять, я сегодня к Светке обедать пойду...

На голос из-под кровати вылез тощий полосатый котенок. Варька высунула из-под одеяла голую ногу и пошевелила пальцами. Котенок не обратил на нее внимания и с надеждой глядел на Изюмку желтыми круглыми глазами.

– А ему-то? – огорчился Изюмка, указывая пальцем на котенка. – Голодный ведь...

– А мне-то чего? – фыркнула Варька. – Сам притащил, сам и возись с ним. Изюмка тяжело вздохнул и поплелся на кухню. Котенок, задрвав хвост, с громким урчанием побежал за ним. Варька взглянула на часы, тихо выругалась и снова свернулась калачиком под одеялом.

На кухне Изюмка нашел много грязных тарелок, бутылки, половину довольно свежего батона и одну унылую кильку на блюде с колокольчиком. На окне стояла кастрюля с молоком, превратившимся в простоквашу.

Котенок съел унылую кильку и повеселел. Изюмка налил ему простокваши на освободившееся блюдечко. Котенок некоторое время принохивался, потом решил и стал лакать, переминаясь передними лапками и подрагивая хвостиком. Изюмка отломил себе кусок батона и принялся жевать, прихлебывая простоквашей прямо из кастрюли. Получалось очень вкусно, но в простокваше не хватало сахара. Изюмка пошарил в облупившемся шкафу, набитом грязными банками и каким-то тряпьем, но пакета с сахаром не нашел.

Из кухни Изюмке было слышно, как ворочается в комнате Варька, скрипят пружины старого, продавленного дивана.

– Эй, Изюм! – донесся до него Варькин голос. – А ты все же где был-то?

Дожевывая булку, Изюмка вернулся в комнату и сел на полу у Варькиной постели. Варька выпростала из-под одеяла руку, взъерошила мягкие Изюмкины волосы.

– Я, Варька, в зоопарке был, – сказал Изюмка. – Волка там гладил. А потом на сене спал... Воняет оно... Страшно вкусно!

– Врешь! – Варька недоверчиво прищурила глаза. – Так тебя туда и пустили!

– Вот не сойти мне с этого места! – поклялся Изюмка. – Вот, руки понюхай, до сих пор волком воняют, – он сунул грязную ладошку к Варькиному носу. Варька сердито зашипела, отвернулась, но Изюмка видит – поверила, и удовлетворенно улыбается.

– Страшно там небось, ночью-то? – спрашивает Варька и сладко ежится под теплым одеялом.

– Нет, не страшно, – отвечает Изюмка и, запрокинув голову, разглядывает сестру. Ее длинные ресницы чуть подрагивают от любопытства и отбрасывают на скулы синюю тень. Вообще Варька ничем не походит на брата. Гибкая, быстрая, темноволосая, с огромными зелеными, как у кошки глазами. Изюмка считает Варьку очень красивой. И он не так уж неправ.

– Ты в школу-то пойдешь сегодня? – лениво осведомляется Варька.

– Не зна-аю, – тянет Изюмка, искоса наблюдая за сестрой.

– Надо идти... того... и так двойки одни, – без особой уверенности говорит Варька.

– Ну пойду тогда, – вздыхает Изюмка.

– Сходи, сходи, – Варькин голос становится более решительным. – Того! Ученье – свет, неученье – тьма!

– Слышал, слышал, – бормочет Изюмка и незаметно для Варьки просовывает под одеяло котенка. Котенок тут же цапает шевелящиеся Варькины пальцы. Варька визжит от неожиданности, взбрыкивает ногами и на чем свет стоит клянет брата. Изюмка смеется и выпутывает из одеяла обалдевшего котенка.

Три дня Изюмка не приходил в зоопарк, и три дня Серый ждал его. Ждал, сам не зная, хочет ли он, чтобы мальчик пришел снова. С одной стороны поглядеть, зачем ему этот Изюмка? Так, беспокойство одно. Куда спокойнее безо всяких Изюмок. Лезут они во все дыры, только и гляди, как бы не зашиб их кто.

– Вот юннаты, – вспоминал Серый. – до чего шпана неприятная. Галдят вечно. Во все суются. Только отвернись, то на кулана влезут, то к якам под ноги. А убьются, спрос с кого? С него, с Серого, ясное дело... – Не нравились ему юннаты еще и тем, что ходили стайкой и почти всегда смеялись. – Хотя и чего плохого, если ребятишки смеются? – рассуждал Серый. – Хорошо, напротив. Чего ж им, плакать, что ли? И чем шататься зря, к делу сызмальства пристать – тоже неплохо...

И хотя все получалось складно, и все в юннатскую пользу, все же Серый не привечал веселых, шумных и не по-рабочему нарядных юннатов, встречал хмуро и настороженно. И они у него на секторе не приживались. Не так на других. Вон, на львятнике – целый выводок, вечно клубятся вокруг девчонок-работниц. И когда только в школу ходят?

Изюмка не был похож на юннатов. И Серый жалел его. За что? Ведь ничего же не знал о нем. А так просто – жалелось. И капельку крови на треснувшей губе вспоминал по несколько раз на дню. И в груди что-то теплело и сжималось. Придет? Или не придет? Серый злился на себя, досадливо крутил головой, сгребая навоз. А потом с тяжелой, груженной тачкой почти бежал к выходу – вдруг Изюмка уже пришел и решается войти?

– А вдруг он в мой выходной придет? – волновался Серый. – Что тогда? Димыч, сменщик мой, вроде меня – ребятишек не больно жалует. Погонит Изюмку. Точно погонит. Как же тогда? – и Серый решил поработать эти выходные, а потом взять отгулы.

Изюмка пришел на четвертый день. Толкнул тяжелую дверь, протиснулся в щель, склонил набок растрепанную голову. Серый видел его, а он после светлого дня не различал ничего в полутьме коридора.

– Дядь Серый, вы тут есть? – негромко спросил он.

– Есть, чего ж мне не быть-то? – отозвался Серый, сам чувствуя, как непрошенная радость булькает у него в горле.

Это хорошо, – Изюмка шагнул вперед и засмеялся. Зубы у него были крупные, по краям все в зубчиках, как крепостные башенки на картинках. – А я – Изюмка. Ночевал здесь давечи. Вы меня помните еще?

– Помню, конечно, – удивился Серый. – А то как же! Всего-то три дня прошло.

– Ну и что? – Изюмка беспечно махнул рукой. – Я вот за три дня все забываю.

– Как это?

– Запросто, – объяснил Изюмка. – Вот чего в школе проходят, так даже и на тот день не помню, а уж за три дня – совсем.

– Да-а, – протянул Серый, не зная, что сказать. – Да, того... А я вот это... кое-чего помню.

Изюмка вынул из кармана три куска черного хлеба-кирпичика, как их нарезают в столовой, взвесил на ладони и спросил:

– Можно, я зверев посмотрю? Я ж в тот раз не видал!.. Можно?

– Можно, только осторожно, – усмехнулся Серый. – Пойдем со мной, я тебе покажу, кого бояться надо.

– А я никого из зверев не боюсь, – важно сказал Изюмка. – Даже льва.

– Не знаешь, потому и не боишься, – объяснил Серый. – А кабы знал – боялся. Вон Зоя – зубриха, дай ей волю, да напугай чем – по стенке размажет. Не потому – злая, а потому – глупая. У страха глаза велики – слышал?

– А чего ж ей, такой здоровой, бояться-то? – спросил Изюмка, разглядывая косматую Зою, мерно жующую сено.

– Да на воле она, может, и не боится. А в клетке все зверье пугливое делается. Известно – свободы нет, стало быть, сам себе не хозяин. Чего захочут, то с тобой и сделают. Страшно.

– Ага, – подтвердил Изюмка. – Это как в школе.

– А чего в школе-то? – удивился Серый. – там учат, небось.

– Да, учат! – Изюмка махнул рукой. – Кого, может, и учат. А по мне так та самая клетка и есть. И училка чего захочет, то и сделает.

– Ишь как! – Серый сокрушенно покачав головой. – Не ладится, значит, у тебя с учением?

– Не-а, – Изюмка беспечно улыбнулся. – Я такой – неспособный. Училка, когда злится, меня лигофреником зовет. Чего это, вы знаете?

– Нет, не знаю.

– Варька знает, да не говорит. Ну и черт с ней!.. Ой, а это кто, лохматый такой? Тоже зубр, да?

– Не, это зубробизоны. Половина, считай, от зубра, а половина от бизона, что в Америке.

– Ага, задняя половина от зубра, да? А то башка ничуть не похожа!

– Да нет, не та половина! – рассмеялся Серый. – Ну так: мать – бизон, отец – зубр. Понял?

– Эй, Серый, корма привезли! Будешь, что ль, брать-то?

Серый отошел от клетки с зубробизоном и высунулся в проход. В дверях стояла пожилая краснолицая женщина в ватнике и кирзовых сапогах. Сама женщина была большая, почти квадратная, а ноги тонкие и ровные как палочки. Даже колени не выдавались.

– Возьму, возьму, тетя Лиза, не шуми. Успею еще, – крикнул Серый.

– И то. Я гляжу – стоит да стоит... А чего это у тебя за экскурсия? Никак юннаты такие хлипкие пошли?

– Я не юннат, – выступил вперед мальчик. – Я – Изюмка.

Женщина показала ему сердитой и, может быть, даже была начальницей. Чтобы не подводить Серого, Изюмка решил отрекомендоваться сам и в случае чего сообщить, что он больше не будет.

Но женщина вдруг расплылась в улыбке и пропела:

– Как, как ты выговорил-то? Изю-у-умка? Ах ты, голубчик мой! – стуча сапогами, она широко зашагала по коридору. Изюмка на всякий случай спрятался за Серого.

– Да не пугай ты его, тетя Лиза! – досадливо улыбаясь, попросил Серый. – Пусть попривыкнет.

– Кто ж он тебе? – остановившись как по команде, спросила тетя Лиза.

– Да никто. Так. Сам пришел, – Серый смущенно поежился, словно в том, что мальчик не доводился ему никакой родней, было что-то неприличное.

– Ну ладно. Я побегла, – согласилась тетя Лиза, и совсем уже было собралась уходить, как вдруг спохватилась. – А у тебя есть чем покормить-то его, бобыль ты замшелый!

– Да есть, есть! – заторопился Серый. – Хлеб и печенье, и паштет еще...

– А я и вовсе сытый, – высунулся Изюмка. Теперь тетя Лиза вовсе не казалась ему сердитой.

– Ладно! Знаю я тебя! – женщина погрозила Серому разбухшим пальцем и ушла, громко топая сапогами.

– Кто она? – спросил Изюмка, когда шаги стихли.

– В кочегарке на слоновнике работает. Шумит много, но женщина сердешная, – сказал Серый и улыбнулся, вспомнив. – Всегда говорит: я старая, больная женщина, чего вы от меня хотите? А в ту зиму, слышь, снег у яков в клетку кидали, потом оттепель, кучу к утру схватило. Як Кешка на нее влез, да и вышел как по горке из клетки. Утром пришли девчонки на козлятник – глядь, Кешка у пруда гуляет. Они туда, сюда – никого нет. Тут тетка Лиза. И что ж ты думаешь? Берет, слышь, скамейку наперевес, вот эдак, и идет на Кешку. У скамейки ножки вот эдак торчат. Кешка глянул и обалдел, ясное дело. Супротив таких рогов не попрешь. Подумал Кешка, подумал, и ушел обратно в клетку по той же куче. Тетя Лиза скамейку бросила, за сердце схватилась. Однако, пока девчонки кучу раскидывали, не ушла никуда, Кешку с хворостинной караулила... Вот так-то...

– Здорово! – сказал Изюмка. – Значит, як скамейкины ножки за рога принял, да? Здорово смешно!.. Ладно, – добавил он немного погодя. – Я вам, дядь Серый, мешать не буду. Я к лошадям пойду... Как их там?..

– Куланы, – объяснил Серый.

– Ну да, куланы... А верхом на них ездят?

– Не знаю... – с сомнением протянул Серый. – Может, где и ездят... На этих вроде некому...

Изюмка ушел к куланьему вольеру, но быстро вернулся. Некоторое время внимательно наблюдал, как Серый убирает клетку яков, потом спросил:

– Может, вам пособить чего, дядь Серый?

Серый окинул взглядом шуплую изюмкинскую фигурку и рассмеялся:

– Чего ж ты мне пособишь? Разве что сена принеси. Вон, в кормушку положишь.

Изюмка обернулся и со всех ног побежал к кладовой. Серый оперся подбородком о черенок лопаты и задумчиво смотрел ему вслед.

– Знаешь, Изюмка, – сказал он, когда мальчик, спотыкаясь на каждом шагу, приволок огромную охапку сена, из-за которой его почти не было видно. – У меня сухари есть, и печенье в пачке. Сахар тоже. Вот только заварка кончилась. Забыл из дома захватить. Ты, того, сходи на козлятник. Там Наташа... Она, того, даст тебе. Скажи, Серый просил. И что, мол, отдаст потом... Понял?

– Понял, – согласился Изюмка. – А как я узнаю эту, Наташу?

– Да она одна там, – улыбнулся Серый. – Которая есть, та и Наташа.

– Ага. Понял, – сказал Изюмка, однако не побежал, а пошел медленно, на ходу размахивая руками и что-то шепча себе под нос.

В рабочей комнате козлятника худенькая Наташа в потертых закатанных джинсах поила чаем толстую Валентину с верблюжатника. Валентина говорила густым басом и шумно дула на чай, поднимая к ушам могучие плечи.

– А это если с какой стороны глянуть, – рассудительно гудела Валентина, следя глазами за Наташей, которая совершенно не могла усидеть на одном месте и постоянно вскакивала и перебегала со стула на кушетку, с кушетки на табуретку у титана, а с табуретки обратно на стул. – Если у тебя в голове просветление имеется, то тебе, может быть, самый след в учебу вдариться. А вот у меня, к примеру, в башке одни сумерки сплошные. И мысли всякие совсем о другом. И к чему мне, к примеру, учеба эта? А с другой стороны глянуть, ты – совсем другое дело...

Наташа слушала Валентину, улыбалась большим лягушачьим ртом, и то хватала со стола кружку с темным, уже остывшим чаем, то снова отодвигала ее от себя. Потом выхватила из пластмассовой вазочки сухарь и начала быстро-быстро грызть его большими белыми зубами.

– Наташка! А это кто такой? – прервав себя на полуслове, вдруг спросила Валентина, вытянув пухлый, сужающийся к концу палец.

Наташа глянула на дверь и заметила Изюмку, почти бесшумно возникшего на пороге. Широко заулыбалась, сморщила узкий, срезанный косой челкой лобик и догадалась:

Это, наверное, Изюмка. Серый говорил: мальчика в сене нашел. Зовут Изюмкой. Все ждал его. Это ты?

– Я, – кивнул Изюмка. – А ты – Наташа?

– Да, – почему-то обрадовалась Наташа. – А откуда ты меня знаешь?

– Дядя Серый сказал, – объяснил Изюмка.

– Вот Серый опять же, – снова заговорила Валентина. – Очень даже положительный мужик. Не злой. Работящий.

Ну да! – засмеялась Наташа. – Он же запойный. И старый уже.

– Чего это старый? – обиделась за Серого Валентина. – В самых годах еще...

– Уж не виды ли ты на него имеешь, Валентина? – усмехнулась Наташа, перепрыгивая на застеленную выцветшим пледом кушетку.

– Не, хиловат больно, – с сожалением вздохнула Валентина. – Насупротив меня другая комплекция требуется. Повредить могу. Это я так говорю – с хвилософской точки зрения...

– Ну, если с хвилософской... – засмеялась Наташа и вернулась к столу. – А ты, Изюмка, чего пришел-то?

– Дядь Серый просил заварки чуток отсыпать... Сказал, вернет на днях... Можно?

Чего ж нельзя? – отозвалась Валентина и, отеснив хозяйку, ловко свернула газетный фунтик, смочив слюнями уголок. Отсыпала три чайных ложки с горкой заварки, заглянула в кулек, пробасила. – Хватит с вас! – и, скомкав верх, протянула фунтик Изюмке.

– Спасибо! – поклонился Изюмка, задом вышел из комнаты и плотно, стараясь не хлопнуть, прикрыл за собой дверь.

– Слышь, Наташка, а у Серого дети-то есть? – спросила Валентина.

– Не знаю, – улыбнулась Наташа. – Зачем мне? Вроде он холостяк.

– И то... – удовлетворенно прогудела Валентина и подула на остывший чай.

Изюмка отошел от козлятника, обернулся и замер, вытаращив глаза и запрокинув голову. В лучах заходящего солнца козлятник походил то на древнюю пирамиду, то на марсианский космический корабль. Бетонные ступени спиралью закручивались к вершине и кончались совсем неожиданно: крыша, перекладина и на ней старый, чернеющий на фоне неба колокол. На ступенях неподвижными изваяниями застыли гривистые бараны. Бетонные стены отливали синевой. Рога у верхнего барана розовели. Изюмка почувствовал, как заломило затылок, тряхнул головой.

– Дядь Серый, я заварку принес.

Хорошо, – Серый разогнулся и зазмеился навстречу Изюмке своей бегучей улыбкой. – Пойди в рабочую комнату, там в тумбочке плитка и чайник. Плитку воткни в розетку, в чайник намери воды. Сейчас я вот тут... того, кончу и приду... Он минут 15 закипать, так что ты, это... погуляй покамест...

Як Кешка прислонился к решетке патлатым боком. Изюмка почесал подставленный бок. Кешка сначала фыркнул от удовольствия, а потом повернулся и попытался подцепить Изюмку длинным шелушащимся рогом. Рог застрял между прутьями и Кешка долго топтался на месте, кося на Изюмку влажным сливовым глазом. Изюмка вспомнил про то, как тетка Лиза гоняла яка скамейкой, погрозил Кешке пальцем и ушел.

– Слышь, Изюм, – Варька выгнулась под одеялом. – А с какими я вчера мальчиками познакомилась – отпад!

– А с какими? – спросил Изюма и зевнул.

– С шикарными, правда! Мы со Светкой вчера на дискотеку ходили. Там! У одного из них, у Георгия, представляешь, даже машина есть. Они нас потом подвезли. Сиденья мягкие, мягкие... И музыка тихая играет... там такой магнитофончик встроенный...

– А кто они такие?

– Иван в институте учится, в этом, в финансовом. А Георгий к нему в гости приехал, прямо на машине, из другого города, представляешь?. А я сказала, что мы в десятом классе учимся... А чего? Похоже, Изюм, да?

– Похоже, похоже, – подтвердил Изюмка. Разговоры о Варькиных мальчиках всегда были ему скучны.

Он как-то не понимал самой сути подобного времяпрепровождения.

Спрашивал Варьку, она смеялась, но объяснять отказывалась. А тут вдруг заговорила:

– Слышь, Изюм, а тебе не надоело так жить?

– Нет, не надоело. А как?

– Ну так, когда жрать всегда нечего, и одеть... И пальцами все тычут... И в школе... Чуть что – сразу Курапцева... Будто я хуже всех. Вот позавчера у классной косметичка пропала... Э, да чего говорить! И тебя вот тоже олигофреником зовут... будто ты неполноценный... А я-то знаю, ты умнее их всех будешь...

– Но, Варька, – рассудительно возразил Изюмка. – Я же и правда всей этой учебы не понимаю. Мне что икс, что игрек – все одно. – Изюмка засмеялся. Ему хотелось отвлечь Варьку от грустных мыслей.

– Но ведь живут же другие люди... – сказала Варька. – Вот Георгий тоже. Рассказывал. У них дом в два этажа, а во дворе пальмы растут. И от крыльца к калитке ковер лежит...

– А если дождь? – спросил Изюмка.

– Чего дождь? – удивилась Варька.

– Ну тогда ковер как же?

– Да ну тебя! – отмахнулась Варька. – Вот ты когда засыпаешь, что себе представляешь?

– Я? – Изюмка задумался. – Разное. Теперь часто, что волк у меня живет. Мы с ним в лес ходим. И что я его язык понимаю. И всех других зверей. А потом...

– А хочешь скажу – чего я? – перебила Варька.

– Давай, – вздохнул Изюмка.

– Я так представляю... – Варька села и подтянула к подбородку круглые колени. – Вот я выхожу в таком красивом платье с блестками. И здесь вырез сердечком и кулон. С большим изумрудом. Правда, мне Георгий сказал, что к моим глазам изумруды подходят. И туфли лакированные на высоких каблуках, с серебряной пряжкой. И пояс тоже серебряный. Ну с волосами ничего делать не надо, вымыть только таким шампунем, как у Алевтины в ванной стоит.

Па-ахнет! И распусть... И прихожу я в школу. На вечер, к примеру. А там меня никто не узнает и все спрашивают: кто это? кто это? И все от меня балдеют. И десятиклассники, и даже Семен-физкультурник. А потом кто-нибудь говорит: да это же Варя Курапцева! И все ахают, а я иду так гордо и ни на кого внимания не обращаю. А географичка говорит нашей классной: И как это вы могли подумать, будто такая девушка может стырить у вас косметичку?! И классная сразу краснеет и соглашается, что, конечно, не могла. Но я все равно с ней не здороваюсь и ухожу. И все мне вслед смотрят. А прямо у крыльца меня ждет роскошный «кадиллак» Знаешь, чего это такое?

– Не-а.

– Это такая самая дорогая машина. Сиденья в нем бархатом обиты, а внутри встроен видеомagnитофон. Можно прямо ехать и кино смотреть...

– А рулить как же? – спросил Изюмка.

– Ну, кто рулит, не смотрит... И я, правда, сажусь в этот кадиллак и уезжаю. А за рулем сидит парень в белом костюме и с черными волосами и на меня так смотрит...

– Как? – заинтересовался Изюмка.

– А вот так, – засмеялась Варька. – много будешь знать, скоро состаришься. И мы, значит, едем... едем... на дачу. А дача вся такая шикарная, с колоннами. А внутри камин и все деревом обделано... А на полу ковер и еще... шкура медвежья. И стол накрыт. А на столе – вино хорошее и фрукты разные в вазах: яблоки, виноград, ананасы... Ты когда-нибудь ел ананасы, Изюм?

– Не-а, я их даже не видел.

– А я видела, – вздохнула Варька. – Один раз. У Алевтины. Но не ела, постеснялась попросить кусочек. Но пахнет очень вкусно... Вот. А еще – груши, персики и эти, кокосовые орехи. И мясо жареное, на вертеле. И мы все это едим и пьем. А потом опять садимся на машину...

Изюмка зевнул во весь рот и потянулся.

– Слышь, Изюм, а ты хотел бы машину?

– Ага.

– А какую?

– Вездеход, – быстро ответил Изюмка.

– Какую-какую? – Варька вытаращила глаза.

– Вездеход, – объяснил Изюмка. – Чтобы везде можно было проехать. Или еще можно «газик». Тоже хорошо.

– Ну и куда бы ты на нем поехал?

– Туда, где дождь.

– Как это?

– А просто. Я бы выехал куда-нибудь в поле, остановился и слушал, как капли стучат по крыше. А по стеклам текут струйки воды, а внутри тепло и сухо. А вокруг никого нет... Понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво сказала Варька, а потом спросила. – А ты, Изюм, стихи часом не сочиняешь?

– Я – стихи? – страшно удивился Изюмка. – Нет, что ты! Это же только поэты...

– Да нет! – возразила Варька. – Это кто хочешь может. Были бы способности. Вот у нас Ольга Ружецкая сочиняет. И всем хвастает. Только, по-моему, у нее никаких способностей нет.....

– Ну так и у меня нет, – улыбнулся Изюмка. – Я вообще неспособный...

– Ерунда! – твердо сказала Варька. – Ты их всех не слушай. Вот мне Алевтина раз сказала, что Пушкин в школе тоже плохо учился. И в математике – ни в зуб ногой!

– Ну, раз Пушкин тоже, тогда я сегодня в школу не пойду! – засмеялся Изюмка.

– Не, не, чего это ты, – заволновалась Варька и строго сдвинула густые, тонко проведенные брови. – Я это совсем не к тому, чтобы в школу не ходить. В школу ты иди... это... обязательно...

Ну вот, видишь, – укоризненно сказал Изюмка, взял на руки сразу замурлыкавшего котенка и вышел из комнаты.

Увидев Изюмку, Серый смущенно улыбнулся и ткнул пальцем в эмалированную мисочку с отбитым краем:

– Вот, все, что есть. Может сходить, купить чего?

В мисочке лежали два обкрошившихся сухаря и полпачки печенья. По обе стороны мисочки стояло два свежевывмытых стакана с торчащими из них алюминиевыми ложечками.

– Да нет, дядь Серый, хватит, – сказал Изюмка. – Чего еще ходить!

Серый облегченно вздохнул и схватил чайник.

– Вот сейчас заварочки свежей налью... – пробормотал он.

Изюмка притянул к себе пачку печенья и прочитал, шевельнув губами:

– Привет октябрю! – перевел глаза на Серого и спросил. – Чего это?

– Ну, наверное, от тех, кто это печенье делает, или... ну, не знаю я! – Серый окончательно смутился, ошпарил руку и затряс ею в воздухе.

Это ты что же такое делаешь?! – раздалось от двери, и в проеме появилась уже знакомая Изюмке тетя Лиза, которая вовсе не начальница, а работает в кочегарке. – Чем робенка-то кормишь? Сухарями какими-то заплесневелыми. Неужто б ноги отсохли до стекляшки дойти! Какую-никакую, а котлетку купить? Или пирожок там! Или уж ко мне заглянуть, в кочегарку. Небось у меня пампушка есть и беляша два. Домашние, между прочим. А ну, покладь этот сухарь на место! – скомандовала тетя Лиза Изюмке. – Сейчас я беляши принесу. Обожди чуток. – и снова вышла, перекачиваясь с боку на бок, как большая пестрая утка.

– От командирша, – усмехнулся Серый ей вслед. – Ну ты, Изюмка, и вправду подожди. Беляши у нее знатные... пробовал, того, не один раз.

Тетя Лиза вернулась и высыпала на стол два золотистых беляша и пышную булку, облепленную сахарной пудрой.

Ешь, робенок! – сказала она, пододвинув к Изюмке всю эту снедь. – Как, бишь, звать-то тебя?

– Изюмка! – ответил мальчик, от души въедаясь в пахнущую ванилью пампушку.

– Чего за кличка такая собачья? – удивилась тетя Лиза. – В документах-то как?

– В документах – Кирилл, – объяснил Изюмка.

– Вот. То другое дело – Кирюша. По-человеческому.

– Мне Изюмка нравится, – оказал Изюмка с набитым ртом. – Дразнилку трудно придумать. Кирилл – просто. Кирюшка – хрюшка. Или Кирилл – дрова рубил. Или Вовка Глухов – мой сосед по парте. Вовка – морковка, Вовка – подковка, Вовка – воровка... и еще можно. А Светке Кривко и вовсе плохо. Смотрите! – Изюмка поднял ладони с растопыренными, испачканными сахарной пудрой пальцами и принялся по очереди загибать их. – Светка – конфетка, Светка – салфетка, Светка – таблетка, Светка – табуретка, Светка – каретка... Во! А ко мне – никак! Вот вы, дядь Серый, попробуйте. Изюмка-... Ну!

Серый покрутил головой, зазмеился улыбкой, признался:

– Не могу!

– Вот то-то! – обрадовался Изюмка. – И никто не может. У нас в классе всем дразнилки есть. Только у меня нету и у Аполлона Константинова. То есть, на Аполлона-то раз плюнуть придумать, конечно. Аполлон – слон. Но его все Аппендицитом зовут, потому что ему в позапрошлом годе аппендицит вырезали. А к «Аппендициту» – никак. Только Верка Павлова говорит:

«холецистит». Это у нее болезнь такая. Но только ведь это не считается, правда? Потому что совсем нескладно...

Изюмка жевал и говорил, а тетя Лиза и Серый слушали, подперев подбородки руками, и глядели одинаковыми глазами. То есть у тети Лизы глаза были карие, а у Серого – в цвет сумеречного ленинградского неба, но что-то все же одинаковое в них было. Что – этого Изюмка не сумел бы сказать словами...

Изюмка уходил, когда зоопарк уже закрылся, и сторожа, ворча, выгоняли последних посетителей. Проходя мимо клетки с волком, он оглянулся по сторонам, быстро перепрыгнул через ограду и просунул между прутьями бумажный фунтик с припрятанной беляшной начинкой. Подошедший Волк вежливо слизнул ее языком. Изюмка потрепал пышный волчий загривок.

– Ты меня узнал? – спросил он у Волка.

Волк понюхал изюмкин руку, потом лизнул. Язык был теплый и гладкий.

– А я думал, у тебя язык шершавый, как у Мурика, – сказал Изюмка и добавил. – Я еще приду. Я теперь часто приходиться буду. Ладно?

Волк наклонил голову и ткнулся лбом в Изюмкин ладонь.

– Эт-то еще что такое?! – послышался сердитый и растерянный голос.

Волк насторожился, поставил торчком острые короткие уши. Изюмка краем глаза заметил сторожа, перескочил через ограду и опрометью бросился бежать к выходу из Зоопарка.

«Дядь Серый, вы где?» – позвал Изюмка. Никто не отозвался. Изюмка прошел вдоль ряда клеток, внутри которых раздавалось равномерное чавканье, будто работали машины. Толкнул дверь рабочей комнаты. Серый был здесь. Сидел за столом, уронив голову яруки. Не шевелился.

«Здрассте!» – сказал Изюмка, поводя носом. На столе стоял мутный стакан. Вздохнув, Изюмка привычно заглянул под стол и привычно вздохнул еще раз. Серый поднял помятое лицо и глянул на Изюмку мутными как стаканное стекло глазами. – «А-а! Изюмка пришел!» – хрипло сказал он и бессмысленно улыбнулся. – «Зачем вы это, дядь Серый, а?» – с укором спросил мальчик. – «А-а! Ничего... это... я сейчас...» – Серый снова уронил голову на стол.

Изюмка немножко подумал, потом взял ведро из-под хлеба и вышел за дверь. У порога он из шланга сполоснул ведро, набрал до половины и потащил, держась за дужку обеими руками.

В комнате Изюмка взгромоздил ведро на стол, передохнул, а потом, медленно наклоняя, стал лить воду Серому на голову. Тот сначала не понял, зачмокал губами, потом ошалело вскопчил, опрокинув стул: «А! Что? Где?!» – увидел Изюмку с ведром, помотал головой, словно отгоняя видение. Хрипло засмеялся, поднял ведро и сам вылил остатки себе на шею. Крякнул. Изюмка достал из шкафчика и подал ему старый синий халат. Серый утерся, снова сел за стол, поставив ноги в натекшую лужу.

«Чего это ты меня, а?» – усмехаясь, спросил у Изюмки. – «Да-а, – обиженно протянул тот. – А вы чего?» – «У меня душа попросила, – объяснил Серый, – Кто мне запретит?» – «Пить вредно!» – заявил Изюмка, – «Кто это тебе сказал?» – удивился Серый. – «В школе. И во дворе. И на плакатах видел. А училка говорит, что я ничего не помню и математику не понимаю, потому, что мама водку пила. То есть это она не мне говорит, но я слышал...» – «У тебя чего, мать пьет?!» – Серый как-то разом подобрался и протрезвел. – «Ага,» – кивнул Изюмка, – «А отец?» – «Отца нет,» – «И что ж – мать одна живет?» – «Ну, когда как...» – уклончиво ответил Изюмка, – «Хреново дело,» – Серый упер подбородок в ладони и загрустил, – «Да я привык, – утешил его Изюмка. – А вам-то чего пить?» – «Да сам не знаю, – признался Серый. – Иной раз вроде все ничего, а вдруг такая тоска накатит, что хоть вой. Свету белого не видишь, кидаться на всех хочется... Или вон утопиться... Думаешь, крутишься, с чего бы это... Да вроде нет ничего... Тогда, того, вон – единственное лекарство, – Серый ука-

зал под стол, помолчал, а потом заговорил снова. – Про меня говорят, что я скупой. Слышал, может? Так вот это, того, правда. Я деньги коплю, да. Хочу, знаешь чего – дом купить. Чтобы на озере. И лес чтобы. И огород. И банька. Я бы там живность всякую развел: кури, свинки, хряка бы держал, кроликов. Корову – нет, корове баба нужна, мужик корову не понимает. И собаку. Лохматую такую, в будке. Я ей и кличку придумал – Джульбарс. Чтобы везде за мной ходила. Да... А работать... чего ж? Работать я везде могу. Мне все равно. Лишь бы того... Лишь бы от машин подальше. Не люблю я, Изюмка, машины...» – «Много денег-то нужно?» – опросил внимательно слушавший Йзюмка. – «Ох, много, – вздохнул Серый. – Если по уму, так тыщ шесть-семь, не меньше.» – «Да, много» – признал Изюмка, который умел считать только до ста. – «А сколько вам еще осталось?» – «Ох, много,» – повторил Серый и махнул рукой. – «Ну ничего, – утешил Изюмка. – Скопите помаленьку. А я сейчас чайник поставлю.»

Лицо Серого перекосили: извилистая улыбка и болезненная гримаса.

Изюмке никогда не удавалось придти в школу вовремя. Либо опаздывал, либо приходил раньше, когда нянечка еще мыла клетчатый пол в вестибюле, а под дверями пустых классов жила таинственная темнота. Часы Изюмка знал, но вообще время понимал плохо и никак не мог поверить, что оно движется всегда одинаково. Ведь не может быть, что урок рисования и урок математики длятся одно и то же время. Математика длиннее – это же каждому известно. – «Во, гляди! – злился Вовка Глушко и тыкал пальцем в подаренные родителями часы. – Вот сюда стрелка придет и звонок будет. Что тебе математика, что тебе рисование или, к примеру, физкультура!» – «Что мне твои стрелки! – пожимал плечами Изюмка. – Они тоже могут по-разному ходить. А могут и вовсе стоять. Вон как на стенке на третьем этаже. Походят немного и остановятся. Что ж – и время, скажешь, останавливается?» – Вовка шипел, но убедить Изюмку в своей правоте не мог.

Нянечка тетя Паша пожалела присевшего под дверьми Изюмку и открыла класс. Изюмка вошел, сел за свою третью у окна парту и стал смотреть в окно.

Приходить раньше ему нравилось. Все приходят, а он уже тут, как бы часть класса, врос в парту. – «Корни могут вырасти, – подумал Изюмка. – и листочки... – он представил себе, как на его потрепанной школьной форме пробиваются нежные, клейкие листочки, и улыбнулся. – А потом цветы... – из всех известных ему цветов Изюмка выбрал для себя невзрачные рожки липы. – Зато пахнут здорово... Хотя розы тоже пахнут. И красивые... Нет, розы – это как-то слишком... И шипы у них...»

Вот опаздывать – это плохо. И не потому, что Нина Максимовна ругается. Потому, что все смотрят. Тыходишь, а они сидят и смотрят, Объясняешь чего-то (хотя чего тут объяснять?) – они смотрят, идешь к своей парте – тоже смотрят. И даже не «они» – в такие минуты Изюмка не узнает своих одноклассников. Смотрит Он – большой, многоглазый, недобрый...

В класс входили мальчики и девочки, бросали портфели, разговаривали, играли – Изюмка смотрел в окно. Очнулся, когда его сосед по парте, Вовка Глушко, нарочно шаркая тапочками, прошел мимо и уселся на последней парте рядом с Васей Грозовым. – «Вовка, ты куда?» – хотел было крикнуть Изюмка, но тут вспомнил, что вчера они с Вовкой поссорились. А из-за чего – Изюмка забыл. По-честному забыл, начисто. – «Во как! – удивился Изюмка. – И чего ж теперь делать? Не спрашивать же у Вовки. Он решит, что я нарочно, издеваюсь... Ну ладно, посмотрим...»

К Изюмкиной парте подошла Илона. – «Ты чего, с Глушко поругался, да?» – спросила она. – «Не, это он со мной поругался», – возразил Изюмка, и это было правдой в любом случае – Вовка всегда начинал первым. – «А из-за чего?» – снова спросила Илона. – «Не скажу,» – ответил Изюмка и тут же испугался, что Илона обидится. Илона не обиделась ни капельки: «А он теперь всегда с Васей сидеть будет?» – «Не знаю, – Изюмка пожал плечами. – Наверное, будет, пока со мной не помирится,» – «А можно я пока с тобой сяду?» – спросила Илона. –

«Садись, чего же,» – не сразу ответил Изюмка. Прикинул, как будет объяснять про Илону Вовке. Ничего не получалось – «Ну и ладно, – подумал он. – Сам к Васе ушел. Вот и пусть как хочет»

Илона положила на парту красный блестящий ранец с белыми молниями и стала вынимать из кармашков разные вещи: пенал, тетради, учебник. Потом показала на толстую черту, глубоко процарапанную на парте: «А это чего?» – «А это мы с Вовкой парту поделили, – объяснил Изюмка. – Это его половина, а это – моя.» – «А со мной ты тоже будешь делить?» – «Да нет, зачем мне?» – улыбнулся Изюмка. – Пусть она вся будет твоя. Если хочешь.» – «Нет, не хочу, – возразила Илона. – Пускай она будет общая. Ладно?» – «Конечно,» – сказал Изюмка и встал, потому что в класс вошла Нина Максимовна.

Как только начался урок, Илона толкнула Изюмку локтем и зашептала: «Ну чего там дальше-то было, с Облачным Королем?» – «Где было?!» – громко изумился Изюмка, обернувшись к Илоне.

«Курапцев! Захарова! Что за новый дуэт?» – строго спросила Нина Максимовна. Илона отвернулась от Изюмки и склонилась над тетрадкой. Но как только учительница отошла к доске, зашептала снова, не поднимая глаз: «Я, правда, целый месяц думала, и все хотела тебя спросить. Но все не получалось как-то, правда. Ты с Глушко все время. И вообще... Ты ведь расскажешь, чем кончилось, правда?» – Изюмка вспомнил, кивнул головой и задумался.

Недели три назад Изюмка о Илоной дежурили – убирали класс. Нина Максимовна ушла, а они нашли в углу класса паука и смотрели, как он плетет сеть. Нянечка заглянула в класс, никого не увидела и заперла дверь. Они потом стучали, кричали – никто не отозвался. На этаже одни малыши – все разошлись, а нянечка, наверное, вниз ушла. Стало темнеть, свет почему-то не зажигался. Илона еще не плакала, но как-то стала заикаться и головой дергать. А что делать? Из окна не вылезешь – четвертый этаж, и дверь тоже не сломаешь. И тогда, чтобы Илона не боялась и не думала ни о чем, Изюмка стал рассказывать сказки. Он рассказывал их, как ему показалось, сто часов подряд. Он не привык столько говорить и столько думать. Затылок сзади у ушей как будто стискивали клещами, во рту сохло и перед глазами плавали какие-то звездочки. Голова болела так, что хотелось разбежаться и треснуться ею об стену. Но зато Илона перестала трястись. – «Откуда ты знаешь столько сказок?» – спрашивала она, – «Да я их совсем не знаю». – «А как же? Прямо сейчас придумываешь?» – голубые глаза Илоны круглились от удивления. – «Да нет, – Изюмка честно пытался разобраться в том, откуда берутся сказки, – Нет, чтобы прямо сейчас. Они вроде бы есть где-то. И я их вспоминаю.» – «Здорово, – говорила Илона и смотрела на Изюмку с восхищением. – Я еще ни разу в жизни ничего не вспомнила. Только что бабушка читала, иди по телевизору... Ну это ладно, а ты рассказывай, рассказывай дальше...»

А потом на этаж зачем-то пришли парень и девушка из 9-го класса. Они были из волейбольного кружка, прямо в трусах и в майках, и услышали Изюмкин голос, и спросили: «Кто это там?» – и сбегали за ключом, и выпустили Изюмку и Илону, а нянечка долго ахала и охала, и напоила их чаем с сухарями, только парень с девушкой чай пить не стали, а засмеялись и опять ушли куда-то не в сторону физкультурного зала, а нянечка покачала головой им вслед и сказала: «Эх, молодость, молодость! Куда ты только подевалась – а я и не заметила...» – И Изюмка выпил тогда целых три стакана чая и съел два сухаря, и голова стада болеть меньше, но зато заболел живот...

«Ну рассказывай, рассказывай дальше!» – попросила Илона и заглянула Изюмке в глаза. – «Хорошо, – очнулся Изюмка. – Только Нина Максимовна заругается...» – «А ты поставь руку ко рту, как будто опираешься на нее, а я приставлю к уху, тоже как будто опираюсь. И будешь рассказывать, – придумала Илона. – И Нина Максимовна ничего не заметит... А в руку возьми ручку, как будто пишешь... Нету? Ну, на вот мой карандаш...»

«Карандаш!» – подумал Изюмка и тут же вспомнил, что Вовка поссорился с ним из-за карандаша, из-за того, что он, Изюмка, нечаянно сломал Вовкин фирменный карандаш, который подарил ему старший брат. Оттого, что он это вспомнил, Изюмке стало весело, и он, не раздумывая больше, приставил руку ко рту и начал: «И тогда Облачный Король приказал Северному ветру согнать тучи и затянуть все горы туманом, чтобы путники не увидели ни отвесных стен, ни пропастей, и упали, и погибли в каком-нибудь ущелье... Но светлячки рас-селись на самых опасных местах и своим светом, видимым сквозь туман, указывали им верную дорогу и предупреждали об опасности...»

Изюмка выгребал из кормушки винторогих козлов перепревшее сено и выбрасывал его на пол. Потом Серый заедет сюда с тачкой и вывезет сено на помойку.

«А эт-то что у нас такое? Что за новый кадр?» – послышался голос за его спиной. Голос был такой веселый и вкусный, что Изюмке сразу захотелось широко улыбнуться и запеть песенку, которую они когда-то учили на уроке пения: «Мы – веселые ребята, – бята, – бята! Наше имя – октябрюта!»

Но ничего этого йзюмка, конечно, не сделал, а просто вытянул шею и посмотрел через плечо назад. На пороге клетки стоял человек в белом халате с засученными рукавами, из кото-рых торчали волосатые красные руки с необыкновенно тонкими и гибкими пальцами. И еще у человека были небольшие аккуратные черные усы. Ничего больше Изюмка с первого раза не заметил. Он вообще не умел видеть людей целиком – в отличие от зверя или дерева они были для него слишком многообразны и не вмещались сразу в Изюмкину голову. В первую встречу он замечал, допустим, глаза, во вторую – нос и волосы, и так дальше. Зато, то, что замечал, Изюмка рассматривал с такими подробностями, как редко кто и редко когда делает. Поэтому в давно знакомых людях Изюмка замечал страшно много всего. Но никто не знал об этом. Не знал и сам Изюмка.

«Что это вы, Сергей Иванович, сменили гнев на милость? – спросил краснорукий чело-век. – Никогда раньше у вас юннатов не видел. Да еще таких маленьких...» – Из-за плеча чело-века выглянуло смущенное лицо Серого: «Да это не юннат, Андрей Викторович... Это так... Изюмка...» – «Да, да – слышал, слышал что-то... Но быть знакомым не имел чести. Ну что ж... Надеюсь, ваша дружба пойдет на пользу обоим. Только уж вы, Сергей Иванович, поосто-рожнее. Звери у вас на секторе, как-никак, серьезные... Сами понимаете...» – «Да что вы, Андрей Викторович! Конечно, я, того, понимаю! Только он, того... – Серый улыбнулся какой-то неожиданной для него, гордой улыбкой. – Необычный мальчишка. Вроде как слово звериное знает. Я б не поверил, если б, того, своими глазами не видал. Никто его не боится. Даже Кузя. Право слово, я даже поразился. От всех по потолку бегаёт, а при нем стоит, ничего, мемешкает даже... Он, Изюмка, говорит, что к Белому Клыку может в клетку войти...» – «А вот этого не надо! – Андрей Викторович взмахнул рукой и ладонью отрубил что-то воображаемое. – Детям – им положено во все играть. А мы с вами – взрослые люди, и обязаны проследить, чтобы эти игры ничем им не грозили... „Слово знает“ – ну что за детский сад для работника зоопарка?! Слышать не хочу! Вы меня поняли, Сергей Иванович? – Серый, потускнев, кивнул головой. – Вот так. А теперь пойдем посмотрим машинку копыто... До свидания, Изюмка... А Белого Клыка обходи за версту. Он не кажется злым, но нервозен и вспыльчив, как все волки, и серьезно покусал уже двоих наших рабочих. Вот так,» – Андрей Викторович потер предплечья ладонями, отчего на них до локтей дыбом встали черные жесткие волосы, и пошел вслед за двинувшимся по коридору Серым.

«А это кто был?» – спросил Изюмка, когда Серый вкатил в клетку дребезжащую тачку с торчащим из нее черенком лопаты. – «Это ветврач наш зоопарковский, Гостищев Андрей Викторович, – объяснил Серый. – Понравился тебе?» – «Да-а, – протянул йзюмка, раздумывая над тем, понравился ли ему ветврач. – А только Волк все равно меня кусать не будет...» –

«Деловой мужик, – задумчиво сказал Серый, словно не услышав последних слов Йзюмки. – Жизнь свою знает и, того... делает...»

Думать Изюмка не умел. И когда Нина Максимовна, вытирая измазанные мелом пальцы, говорила строго и внушительно: «А ну-ка, Курапцев Кирилл! Подумай и ответь: чему равняется удвоенный икс в этой задаче?» – на лице его появлялось тоскливое и недоумевающее выражение, глаза щурились и становились маленькими и тусклыми, а сам Изюмка выглядел в такие моменты жалким и болезненно некрасивым.

Зато он умел смотреть. Часто во время перемен одноклассники подтаскивали его к окну и, указав на какое-нибудь особенно замысловатое облако, спрашивали: «На что похоже, Изюмка?» – Изюмка на секунду задумывался, потом улыбался быстрой неровной улыбкой и важно отвечал: «А то непохоже! На тетю Валю-буфетчицу, понятно. Как она над котлом наклонилась и со дна обгорелое пюре выскребывает. Вон котел внизу, видали? А в другой руке у нее – тарелка...» – И третьеклассники, ежась от удовольствия, видели и тетю Валю, и котел, и тарелку в ее руке... И, тыча чернильными пальцами в синее осеннее небо, кричали: «А это, а это, Изюмка? На верблюда, да?»

Но Нина Максимовна ничего не знала об облачных фантазиях Изюмки и по-прежнему выводила в его тетрадах жирные малиновые двойки. А изюмкины приятели-одноклассники не то не хотели открыть ей глаза, не то просто от скудости словарного запаса не умели сказать о том, что иксы и игреки вовсе не главное в жизни...

Скорее же всего их просто никто не спрашивал, а говорить со взрослыми самим, без принуждения со стороны последних, они не были приучены.

Контрольные по математике всегда были кошмаром Изюмки. Он старался на них заболеть и не придти в школу, но это не всегда удавалось. Тем более, что иногда Нина Максимовна заранее не предупреждала. Вот так и в этот раз: «А сейчас я вам раздам листочки и мы напишем небольшую самостоятельную...»

У Изюмки сразу похолодели кончики пальцев и заломило затылок. Он знал, что все равно не решит ни одну из предложенных Ниной Максимовной задач. Но сорок пять минут сидеть над пустым листком, слушать, как вокруг шуршат ручки и ничего не делать... Он пробовал рисовать во время контрольных, но Нина Максимовна отобрала листок и еще записала замечание в дневник. Замечание – ерунда, все равно мать никогда туда не заглядывает... Разве что Варька иногда...

И еще каждые пять минут Нина Максимовна подходит к их с Вовкой парте, заглядывает в изюмкину тетрадь и говорит громким шепотом: «Ну что, Кирилл, так и сидишь над пустым листком? Ты бы хотя б попробовал решить хоть одну задачу. Ну, вот эту, к примеру. Она же легкая. Мы такие же решали на прошлом уроке. Вспомни...» – И вспоминать и пробовать бесполезно, Изюмка это знает, и Нина Максимовна знает тоже. Но через пять минут она снова склоняется над йзюмкой: «Ну что же ты, Кирилл...»

На этот раз все было не совсем обычно. Потому что вместо Вовки была Илона. Вовка, нервно сопя и облизываясь, целый урок решает свои задачи, а потом еще много раз проверяет, но все равно обязательно пропустит где-нибудь ошибку. Илона сказала: «Ты не бойся, Изюмка, я задачи быстро решаю. Я сейчас две свои, решу, а потом две твоих. А потом свою третью, если успею. А за тебя третью не буду, потому что тогда Нина Максимовна не поверит.» – И Илона склонилась над листочком, а Изюмка подумал о том, какая она все-таки умная и как быстро все соображает. Потом взял ручку и стал аккуратно переписывать на листок условия задачи. Нина Максимовна увидела, что он что-то пишет, кивнула головой и прошла мимо. Изюмка вздохнул с облегчением.

Он как раз кончил переписывать, когда Илона быстро взглянула в его сторону и шепнула: «Так. Давай свою карточку, быстро, а себе возьми пока мою.» – она вырвала из тетради новый

листок и, покусывая кончик ручки, стала решать изюмкины задачи. Изюмка перевернул страницу и переписал второе условие.

«Вот, – шепнула Илона. – Досюда – первое, а это – второе. А вот это – ответ. Понял?» – Изюмка кивнул и перевернул страницу назад.

Решение у задач оказалось совсем короткое. Он писал второй ответ, когда Нина Максимовна незаметно остановилась у него за спиной.

– Ну-ка, ну-ка, что у тебя тут, Кирилл? – она потянула листочек за уголок. Изюмка похолодел, а Илона как ни в чем ни бывало сгребла к себе все черновики и там, где решала изюмкины задачи, начала писать свое третье задание.

– Молодец, умница Кирюша! – воскликнула Нина Максимовна, пробежав глазами строчки, – Все верно! Вот видишь! Попробуй теперь третью задачу. Не получится – не страшно. Я и так поставлю тебе хорошую оценку!

Нина Максимовна говорила еще что-то громким шепотом, Илона лукаво улыбалась, а Изюмка увидел, как перед глазами все быстрее и быстрее, догоняя друг друга, побежали черные кольца. Он стиснул зубы, чтобы остановить их, но они не остановились, а превратились в овалы и закружились хороводом. Изюмка закрыл глаза и боком повалился в проход.

Очнулся он на холодной кожаной кушетке. Под головой холодила щеку сложенная белая простыня. Изюмка приоткрыл один глаз и понял, что находится в школьном медкабинете. Лежать было удобно, шевелиться не хотелось. За столом сидели Нина Максимовна и рыжая школьная медсестра с длинным лошадиным лицом. Звали ее по-иностранному – Ядвига Францевна.

– Да это уж не первый раз так. Но там он как-то быстро в себя приходил, – сказала Нина Максимовна. – На перемене вот как-то набегался. В класс вошел – упал, и на физкультуре. Да не он один. Мне Семен Михайлович жаловался недавно – только в вашем, говорит, классе четыре человека таких. Да в «а», да в «в» еще по три. Уж и не знаю, что и делать. Им же отдельная программа нужна, система другая, нагрузки, закаливание. А так получается: все – бегом, а вы – на скамейке посидите...

– Да, я как врач вас очень понимаю, – Ядвига Францевна кивнула огненной головой. – А нельзя ли ему дома устроить такой режим?...

– Ой, что вы! – Нина Максимовна махнула рукой. – Эта безнадежно. Он, как теперь говорят, социально неблагополучный. Неполная семья, мать пьет. Старшая сестра у нас в восьмом классе. Недавно на педсовете говорили: курит, пьет, мужчины...

– Какой кошмар! – вздохнула Ядвига Францевна. – Бедные детки! От таких матерей их нужно отбирать!

«Тут случай непростой, – сказала Нина Максимовна, – Два года назад шел об этом разговор. Кирюша был в первом классе, Варя – в шестом. Так мать костями легла – не отдам и все. Директор наш к ней домой ходила, по-хорошему хотела. Убеждала: вы пьете, не ухаживаете за детьми как следует, у вас мужчины все время, подумайте – им же будет лучше. Если вы измените свой образ жизни, сможете забрать их назад. Так она представляете что ей ответила...» – «Что ж тут можно ответить?!» – Ядвига Францевна высоко подняла рыжие брови. – «Ну уж нет! – ответила мать двух детей. Не на ту напали! Заберут детей – и квартиру заберут. Что ж я, по-вашему, даром семнадцать лет на этой вашей гнилой фабрике в грохоте да в пуху вкалывала? Деньги-то те же я бы и лестницы мыла – заработала. Вот так – понимаете? Дети ей не нужны, нужна квартира. Директор рассказывала, аж тряслась вся...» – «Ужасно, ужасно», – Ядвига Францевна прижала ладони к длинным веснушчатым щекам. – «И ведь он неплохой мальчик, – продолжала Нина Максимовна. – Добрый, чуткий, отзывчивый. Но абсолютно не тянет. Читать я его научила, писать – кое-как. С математикой – абсолютно глухо. Сегодня я было обрадовалась – две задачи решил, а потом вижу – соседка его хитренько так на меня смотрит... Она и решила... Памяти никакой. Сегодня целый урок жуем, завтра ничего не пом-

нит. Тема – виды подлежащих. На следующий день говорю: Кирюша, вспомни, что мы вчера проходили? О чем говорили? Что-то такое фиолетовое, – отвечает, – с зелеными блестками. – Представляете? Сейчас я его тяну, мягко стараюсь, не давлю на него. Он нервный жутко. Но у меня ведь не он один. Тридцать девять человек. Те же – Кашинцев, Аверин, Самойлов. Тот же контингент. Еще и хуже. Не только не тянут, но еще и злые, хитрые, мстительные... Иной раз сорвешься, накричишь, потом самой стыдно... А что с ним будет, когда пойдут предметники?...»

– Спецшкола... – предположила Ядвига Францевна.

– Да, скорее всего, – вздохнула Нина Максимовна, – Но перед этим окончательно расшатает ему нервную систему, озlobят, закомплексуют... И что самое страшное – ничего не поделать. Корень-то в семье...

– Да, да, это ужасно, – подтвердила Ядвига Францевна, решила, что достаточно послушала молодую учительницу и тоже заговорила о наблевшем, – Вы вот сюда взгляните, милочка, Это что, по-вашему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.